

РОЛЬ НОМИНАЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ «*BOS TAURUS LINNAEUS*» В САНСКРИТЕ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ)

Кузнецова Мария Александровна

Аспирант, Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
mak9516@mail.ru

ON THE ROLE OF NOMINATION IN THE LINGUISTIC WORLD PICTURE (BASED ON LEXEMES MEANING "*BOS TAURUS LINNAEUS*" IN SANSKRIT AND ANCIENT GREEK)

M. Kuznetsova

Summary: The article reconstructs a fragment of the linguistic picture of the world, represented in the names of cattle in Sanskrit and ancient Greek. The reconstruction is carried out by identifying the internal form of some ancient Greek and Sanskrit lexical units with the meaning 'Bos taurus LINNAEUS' (cattle). The research is based on a number of examples of these lexemes in original texts, such as Aesopica, Homer's Iliad, and the Rig Veda. The conclusions drawn in the article say that cattle is the most important concept in both the ancient Indian and ancient Greek linguistic pictures of the world; however, there are also significant differences in the meanings of this concept for both cultures.

Keywords: nomination, ancient Greek, Sanskrit, linguistic picture of the world, concept of "cattle".

Аннотация: В работе предпринимается попытка реконструкции фрагмента языковой картины мира, репрезентированного в названиях крупного рогатого скота в санскрите и древнегреческом языке. Реконструкция проводится путем выявления внутренней формы некоторых древнегреческих и санскритских лексических единиц со значением 'Bos taurus LINNAEUS' (крупный рогатый скот, далее – КРС). Также приводится ряд примеров употребления указанных лексем в оригинальных текстах, таких, как тексты эзоповского корпуса, «Илиада» Гомера, Ригведа. В конце представлены выводы по исследованию, согласно которым КРС является важнейшим концептом и в древнеиндийской, и в древнегреческой языковых картинах мира; однако имеются и существенные различия в содержании данного концепта для обеих культур.

Ключевые слова: номинация, древнегреческий, санскрит, языковая картина мира, концепт «крупный рогатый скот».

Анализ внутренней формы позволяет определить существенный признак и характеристику именуемого объекта, ведь номинация есть «закрепление за языковым знаком понятия – сигнификата, отражающего определённые признаки денотата – свойства, качества и отношения – предметов и процессов материальной и духовной сферы» (Языковая номинация 1977: 101). Выбор материала для проведения исследования обусловлен общим отношением к корове и быку в индоевропейской культуре, где даже на бытовом уровне эти животные играют важнейшую роль: корова является источником пищи, а бык – источником рабочей силы; как следствие, данный вид животного концептуализируется и становится достоянием не только материальной, но и духовной культуры. Это не может не отразиться и в языковых номинациях. Особый интерес представляют древние наименования, которые с наибольшей вероятностью могут пролить свет на принцип номинации вида *Bos taurus*. Именно поэтому в качестве источника материала были выбраны древнегреческий язык и санскрит.

В санскрите функционирует множество наименований КРС, однако существование абсолютных синони-

мов – достаточно редкое явление для любого языка: как правило, каждый синоним отличается хотя бы одним компонентом лексического значения, стилистической характеристикой и др. Многообразие лексем со значением КРС в санскрите связано с актуализацией в каждом наименовании (а значит – в сознании носителей языка) определённой характеристики животного по внешнему виду, функциям и т.п. Поскольку в лексической номинации отражается представление об объекте (в частности, о корове и быке) в сознании древних греков и индийцев, анализ лексем позволяет частично воссоздать языковую картину мира древних индоевропейцев.

В санскрите лексемы, называющие корову, часто используются для номинации звезд, туч, неба и т.п., и наоборот. Например, наименования КРС типа *usra* (m) букв. 'утренний, светлый, луч', а также 'бык' и *usrā* (f) букв. 'утренняя заря', используются также для названия коровы (Кочергина 1987: 132-133). На подобного рода широкой полисемии основывается мнение, высказываемое некоторыми лингвистами, что для древнего индоевропейского мировосприятия было характерно объединение образа коровы с образами неба, облаков, времён

суток (Маковский 1996: 295-296).

Наименования КРС *usra* и *usrā* (а также однокоренные *usrīya* и *usrīyā* с теми же значениями) представляют особенно интересный случай: с одной стороны, они кажутся мотивированными окрасом животного: красная (или светлая) корова. С другой – это название фигурирует в мифах, где все смыслы (и ‘корова’, и ‘лучи’) сплетаются воедино:

asyá máde svaryám dā ṛtāya ápi-vṛtam **usrīyānām**
ánīkam

yáddha pra-sáрге tri-kakúm ni-vártad ápa drúho
mānuṣasya dúro vaḥ (Ригведа I.121.4).

*В опьянении этим (сомой) ты вручил справедливости
Шумную запертую вереницу коров¹.*

*Когда же трехгорбый повел обратно (стадо, пришед-
шее) в движение,*

*Он открыл врата обмана рода человеческого (пере-
вод Т.Я. Елизаренковой).*

В древнеиндийских мифах на красных коровах (иначе – лошадях) появляется богиня утренней зари Ушас, чьё имя (др.инд. *Uṣas*) родственно слову *usra*. Таким образом, цвет животного самым причудливым образом переплетается с множеством мифологических сюжетов, номинация соединяет в себе множество смыслов, и не всегда просто оказывается разделить единство языка и мифа и определить, что именно мотивировало номинацию (собственно цвет животного или мифологическое восприятие его).

У лексемы *go* помимо значения ‘корова’ существует также значение ‘земля’, что выделяет другую отличительную черту коровы – способность кормить человека: она, словно земля, произрастающими из неё плодами, вскармливает человека своим молоком и производимыми из него продуктами. Данная лексема (как и другие наименования коровы) может обозначать и само молоко.

Корова и молоко – важнейшие образы древнеиндийской культуры, сама жизнь представляется индийцам молочным океаном. Именно с пробуждения Нараяны (Вишну), покоящегося в этом океане на кольцах змея времени, начинается существование мира (Паттанаик 2022: 54-55), поэтому молочный океан – символ Вишну. Этот океан «олицетворяет бесконечные возможности мира», из него появляется множество сокровищ – боги любви, здоровья, процветания, нектар бессмертия, и многое другое. Выходит из этого океана и волшебная корова Камадхену (санскр. *kama* ‘желание’ и *dhenu* ‘ко-

рова’), которая, как считается, может дать человеку всё, что он пожелает (там же: 106). Молоко, наряду с кровью и водой, является одной из жидкостей, поддерживающих жизнь (Волошина, 2017; Циммер, 2020).

Такое отношение к молоку и корове не могло не найти отражение в языке, где коровы, разделяясь на молочных и немолочных, могли именоваться *dhenā*, *dhenu* (от *dhe* ‘сосать, кормить грудью, питать’) (Monier-Williams 1872), *dughā*, *sudughā* (от *dugdha* ‘подоенный, выжатый’, ‘молоко’) (Monier-Williams 1899), *māheyi* букв. ‘земляная’ (Monier-Williams 1872), либо *adhenu* (отрицательный префикс *a-* + *dhenu*), *vehat* (возм. от *vi-han* ‘отделить’, ‘отвергнуть’, ‘препятствовать’) (Ibid.) а также общеиндоевропейскими лексемами *stari* ‘неплодовитая корова, телка’ и *vaśā* (от *vāś* ‘реветь’, ‘вить’, т.е. ‘мычащее животное’; вероятно, родственно лат. *vacca* (Monier-Williams 1899; Encyclopedia of Indo-European Culture 1997: 1111)). Интересно, что последнее слово, несмотря на отсутствие в его внутренней форме каких-либо отсылок к способности коровы иметь потомство, в санскрите стало обозначать в первую очередь бесплодную корову (и даже бесплодную женщину) (там же).

В этом контексте интересно обратить внимание на лексему *aghnyā*, дословно обозначающую ‘та, которую не следует убивать’. Утверждается, что данная единица использовалась по отношению только к дойной корове (Васильков 2019: 48; Ambedkar 1990), и связано это с практикой принесения КРС в жертву.

Полный запрет на убийство КРС сформировался только где-то к началу нашей эры в связи с распространением принципа *ахимса* – принципа непричинения вреда всему живому (Васильков 2019: 49), до этого момента подобные жертвоприношения были широко распространены. Поводы для принесения в жертву коров были разными: похороны, свадьбы, встреча почётных гостей (из-за чего таких гостей называли *goghna* – букв. ‘убийца коров’) (Васильков 2019: 48; Ambedkar 1990; Chakravarti 1979: 52-53). Существуют и названия самих жертвоприношений КРС: *go-medha*, *go-yajña*, *śulagava*.

Для каждого бога «предназначалась» своя категория животного: Вишну приносили карликовых быков, Индре – быка с опущенными рогами и с отметинами на лбу, Рудре (Шиве) – бурых коров, Сурье – белых бесплодных коров и т.д. (Chakravarti 1979: 52).

Считается, что для жертвоприношений годились в основном быки или бесплодные, немолочные коровы (*vaśā* – см. выше), в то время как дойные приносились в жертву редко (Chakravarti 1979: 51; Васильков 2019: 47).

1 Ш. Ауробиндо также поясняет, что образ коров-лучей в Ригведе следует понимать как некие интуитивные постижения свыше, из Свара (неба) (Ауробиндо 2021: 116, 495).

Именно этим объясняется существование номинации *aghnyā*. Иную точку зрения на жертвоприношения КРС можно обнаружить в Энциклопедии индоевропейской культуры, где утверждается, что в жертву приносили *aṣṭāpādī* – «корову с восемью ногами», то есть беременную корову (Encyclopedia of Indo-European Culture 1997: 137).

Что касается быков, их наименования также представлены в санскрите очень широко, и все они апеллируют к мужской и физической силе: *baladā* (от *bala* 'сила' и *dā* 'давать, дарить'), *gopati* (букв. 'хозяин стада'), *ukṣan* (от *ukṣ* 'опрыскивать', 'мочить', 'разбрызгивать') (Monier-Williams 1872; иначе см. Pronk 2009) и др.

Таким образом, обращение к внутренней форме синонимического ряда номинаций КРС в санскрите, к многообразию значений каждой единицы, можно заключить, что корова не просто имела чрезвычайно большое значение в культуре, она была базовым концептом культуры. Корова, особенно дойная, являлась атрибутом богов, символом жизни, познания, материнства; в её образе сочетались самые разные природные реалии: земля, звёзды, лучи, утренняя заря. Корова, являясь священным животным, приносилась также и в жертву богам. И все эти многочисленные характеристики данного концепта непременно отразились в языке.

В древней Греции также широко развита была «культура КРС», хотя не настолько ярко выражена, как в Индии. Эти животные приносились в жертву богам, были мерилем богатства и благосостояния, а также могли использоваться как выкуп за невесту. КРС был источником рабочей силы, молока, мяса, шкур; он стал признаком достатка, высокого социального статуса, и, конечно, так же, как и в Индии, играл большую роль при создании мифологических сюжетов и литературных произведений, являясь точкой взаимодействия богов как с людьми, так и друг с другом (McInerney 2010: 8, 20).

Так, словом *βουκόλοι* 'пастухи' в эллинистическую эпоху называли разбойников, а в аттическом диалекте *βουκολέω* было синонимом воровства. Это связано не с чем иным как с мифом о Гермесе, угоняющем скот. С другой стороны, тем не менее, словами *βουκόλος* и *αρχιβουκόλος* также называли жрецов Диониса (McInerney 2010: 18-19). Не менее интересный мифологический сюжет связан и с Зевсом, который в образе быка похищает юную Европу, резвящуюся с подружками на берегу моря.

Как следствие, быки занимали важное место в древнегреческом искусстве: с их изображениями изготавливали статуэтки, чаши, маски и т.п., ритуалы с быками

изображались на жертвенниках (там же: 19). Так, на рис. 1 можно видеть вазу (коллекция Эрмитажа) с изображением мифологического сюжета о похищении Европы, а также на рис. 2 - священный ритон в виде головы быка из Национального музея Афин².

Рис. 1.

Рис. 2.

¹ Греческие вазы (из коллекций Эрмитажа). «Школьник» - онлайн-журнал. URL: <http://journal-shkolniku.ru/grecheskie-vasy.html>; Афины – Национальный Музей. Сайт о путешествиях Velocrunch. URL: <https://velocrunch.ru/articles/greece-athens-national-museum>

Применение скота в хозяйстве становится основой для метафорических наименований быка и коровы. Дж. Макинерни пишет: «Как понять рабство? Провести аналогию между рабом и вьючным животным. Как понять оплодотворение? Женщина – это поле, вспаханное мужчиной. Как понять демагогию? Представить чревоугодника, набивающего свой желудок колбасой до такой степени, что он лопается. Общества связаны множеством нитей, и употребление мяса для греков было одной из самых основных из них. Скот солнца представлял собой мифических животных, обитавших на периферии греческого мира, но в то же время и символом того, что являлось центром каждого греческого жертвоприношения: плоть, потребление которой определяло наши отношения с богами и друг с другом» (McInerney 2010: 11).

При всём этом представляется весьма необычным, что для номинации КРС используются в основном две лексемы: *βοῦς* и *ταῦρος*, причём первая может обозначать как быка, так и корову, вторая же – только быка. Интересно и то, что именно лексемы с названием быка чаще встречаются в текстах. Например, рассмотрим тексты эзоповского корпуса:

βουκόλος βόσκων ἀγέλην ταύρων ἀπώλεσε μόσχον (Aesop. 49, 1970) 'Пастух, пасущий стадо быков, потерял телёнка' (в отличие от привычного нам русского выражения *стадо коров*);

“Ζεῦ δέσποτα, πάλαι μὲν σοι ἠϋξάμην ἔριφον θῦσαι, ἂν τὸν κλέπτην εὔρω, νῦν δὲ ταῦρόν σοι θύσω, ἐάν τὰς τοῦ κλέπτου χεῖρας ἐκφύγω” (Aesop. 49, 1970) 'Господь Зевс, раньше я молился тебе, обещая принести в жертву ягнёнка, если найду вора; теперь же я принесу тебе в жертву быка, если убегу от этого вора';

ταῦρος εὐρηκῶς κοιμώμενον λέοντα τοῦτον κερατίσας ἀπέκτεινεν (Aesop. 11, 1959) 'бык нашёл заснувшего льва и, боднув его, убил';

а также:

Ψύλλα δὲ ποτε τὸν βοῦν οὕτως ἠρώτα (Aesop. 359, 1926) 'Блоха однажды спросила быка...'

δάμαλις βοῦν ὀρῶσα ἐργαζόμενον ἐταλάνιζεν ἐπὶ τοῦ κόπου (Aesop. 270, 1970) 'Тёлочка увидела быка, утомлённого работой'.

Ряд примеров можно продолжить. Примечательно, что корова (самка – *ἡ βοῦς*) не встретилась в текстах эзоповского корпуса ни разу. Стоит обратить внимание, что весьма схожая ситуация наблюдается и в «Илиаде» Гомера, где вид *Bos taurus* обозначается одним из трёх способов: 1) лексема *βοῦς* встречается без артикля, поэтому нет указания на пол животного; 2) указанная лексема встречается с артиклем мужского рода, обозначая быка; 3) животное обозначается словом *ταῦρος*, называющее исключительно быка.

Следует обратить внимание, что в «Илиаде» образ

быка используется для изображения некой большой силы:

ἦσταιρ' ὡς ὅτε βοῦς τὸν τ' οὐρεῖ βουκόλοι ἄνδρες ἰλλάσιν οὐκ ἐθέλοντα βίη δῆσαντες ἄγουσιν (Il. 13.571).

'бился вокруг древка, как бык, которого на холмах мужчины-пастухи,

Верёвками, неохотного, силой связавшие, ведут'

τοὺς ἔκβαλλε θύραζε μεμικῶς ἢ ὕτε ταῦρος

'Их [мёртвых] выбросила, проревев («издав звук») как бык...'

Внутренняя форма наименований не очевидна, затемнена, поэтому можно сослаться лишь на этимологические гипотезы. Так, слово *βοῦς* восходит к и.-е. **gʷódwsʰ*, которое могло быть звукоподражанием или дериватом либо от **gʷe-/gʷo-* 'идти' (Трубачев 2008: 321), либо от **gʷeua* 'сгибать' (Кириченко 2017), либо быть заимствованием (там же); *ταῦρος* же, скорее всего, является заимствованием – но было ли оно заимствовано в индоевропейские языки из семитских, в семитские из индоевропейских, или в обе семьи из третьего источника – на данный момент остаётся неизвестным (Beekes 2010: 1455-1456).

Таким образом, складывается впечатление, что в греческой языковой картине мира, в отличие от индийской, центральную позицию занимает не корова, а бык, тогда как первой отводится место на периферии. Бык является олицетворением силы; именно этот образ принимает верховный бог древних греков Зевс, именно быка предлагает в жертву Зевсу герой процитированной выше басни. Гомер в «Илиаде» часто прибегает к образу быка, чтобы подчеркнуть физическую силу, мощь своих персонажей или природных стихий.

Исходя из всего вышесказанного, мы видим, что в обеих культурах (но особенно – в индийской) КРС занимает достаточно важное место. Для древних индийцев корова – не просто неотъемлемая часть материальной культуры, но и важнейшая составляющая духовной культуры. Роль, отведенную корове, трудно даже сопоставить с известной в нашей культуре «коровой-кормилицей». Индийская корова – это и кормилица, а значит – и мать, и земля, а также и небо, и космос, и утренняя заря, и светлый луч, и облако, и звезда... Молоко коровы – животворящая жидкость, это самая жизнь. Корова является источником всех благ, не случайно священная корова Камадхену может исполнять желания. Всё сказанное особенно относится к дойным коровам, которых нельзя убивать, в отличие от недойных – которые, всё же оставаясь священными, могут быть принесены в жертву богам. Так образ коровы становится своеобразным инструментом структурирования реальности для носителей древнеиндийской культуры. Это, по-видимому, и является причиной множества номинаций данного животного

в санскрите.

Бык для древних индийцев – это в первую очередь физическая сила и продолжение рода, он хозяин стада, атрибут некоторых богов. Но и он, как представитель того же вида, считается священным животным и также может приноситься в жертву. Номинации быка представлены достаточно широким синонимическим рядом, отражающим описанное восприятие животного.

Для древних греков бык также является символом силы, мощи, неуправляемой стихии. Он громко ревет, борется; он также выполняет тяжёлую физическую работу. Как и в древнеиндийской культуре, бык может приноситься в жертву богам, его образ может также находиться в тесной связи с образами богов (в частности, Зевса). В этом заключается сходство в восприятии быка в обеих лингвокультурах. Однако в древнегреческом языке, в от-

личие от санскрита, бык представлен лишь двумя лексемами со стёртой внутренней формой.

С другой стороны, корова представлена в древнегреческом языке ещё меньше – лексемой, обозначающей именно вид; отдельные наименования для самки данного животного ни в словарях, ни в текстах нами не обнаружены. Не удалось обнаружить эпизоды текстов, в которых образ коровы имел бы большое значение, создается впечатление сравнительно малой значимости концепта «корова» в древнегреческой культуре.

Несмотря на наличие метафоризации образа КРС, в древнегреческой языковой картине мира не представлена ни столь всеобъемлющая многозначность данных номинаций, ни столь тесное, как в санскрите, слияние образа животного с другими значимыми для культуры образами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауробиндо, Ш. Риг Веда: Переводы и комментарии. Т.1. М.: Амрита-Русь, 2021. 685 с.
2. Васильков Я.В. Индийская священная корова: история и современность. // Этнография. 2019. № 4(6), С. 42-59.
3. Волошина О.А. Nighaṇṭu как инструмент семантического анализа гимнов Ригведы // Проблемы ближней и дальней реконструкции. Материалы IX Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию посвященной 90-летию со дня рождения профессора Олега Сергеевича Широкова (1927-1997). 2017. С. 192-208.
4. Кириченко, Ю.С. Из опыта исследования названий домашних животных (о монографии О.Н. Трубочева "Происхождение названий домашних животных в славянских языках") // Карамзинские чтения: сб. материалов науч.-практ. конф., посвященной 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина. 2017. С. 117-121.
5. Кочергина, В.А. Санскритско-русский словарь. М.: Издательство «Русский язык», 1987. 944 с.
6. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.
7. Паттанаик Д. Индийские мифы. От Кришны и Шивы до Вед и Махабхараты. М.: МИФ, 2022. 224 с.
8. Трубочев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура: в 4 т. Т.3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 803 с.
9. Циммер Г. Мифы и символы в индийской культуре. М.: Академический проект, 2020. 222 с.
10. Серебрянников Б.А., Уфимцева А.А. (ред.). Языковая номинация (общие вопросы). М.: Издательство «Наука», 1977. 360 с.
11. Aesopus et Aesopica Scr. Fab. (с. 6 В.С.), Fabulae (dodecasyllabi) "Aesopi fabulae" ("Ψύλλα καὶ βοῦς"), Ed. Chambry, E. Paris: Les Belles Lettres, 1:1925; 2:1926.
12. Aesopus et Aesopica Scr. Fab. (с. 6 В.С.), Fabulae "Corpus fabularum Aesopiarum", vols. 1.1 & 1.2, 2nd edn. ("Ταυρός, λεαίνα καὶ οὐαγρός", "Βουκόλος", "Δαμάλις καὶ βους"), Ed. Hausrath, A., Hunger, H. Leipzig: Teubner, 1.1:1970; 1.2:1959.
13. Ambedkar B.R. Did the Hindus Never Eat Beef? // The Untouchables: Who Were They and Why They Became Untouchables? 1990. №7, P. 86-93.
14. Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Leiden, Boston: BRILL, 2010. 1808 p.
15. Chakravarti M. Beef-eating in Ancient India // Social Scientist. 1979. №11(7), P. 51-55.
16. Homeri Ilias. Ed. Allen, T.W. Oxford, 1931.
17. J.P.Mellory, D.Q. Adams (ed.). Encyclopedia of Indo-European Culture. London, Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997. 829 p.
18. McInerney J. The Cattle of the Sun. Cows and Culture in the World of the Ancient Greek. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2010. 340 p.
19. Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologically and philologically arranged. Oxford: Oxford University press., 1872. 1222 p.
20. Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary, etymologically and philologically arranged. Oxford: Oxford University press., 1899.
21. Pronk T. Sanskrit (v)ṛṣabhā-, Greek ἄρον, ἔρον: the spraying bull of Indo-European? Historische Sprachforschung // Historical Linguistics Bd. 2009. №122, pp. 170-181.

© Кузнецова Мария Александровна (mak9516@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»